

7. *Безверхов, А. Г.* Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А. Г. Безверхов // Вестн. Самар. гуманитар. акад. – 2011. – № 2 (10). – С. 39–52. – (Серия «Право»).

8. *Малков, В. П.* Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков; науч. ред. Ф. Р. Сундуков. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. – 1982. – 173 с.

9. *Слуцкий, И. И.* Необходимая оборона и крайняя необходимость в советском уголовном праве / И. И. Слуцкий // Ученые записки Ленинградского университета. – 1951. – № 199. – С. 161–235.

10. *Кириченко, В. Ф.* Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве / В. Ф. Кириченко; Акад. наук СССР. – М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 107 с.

11. Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР по уголовным делам. – М.: Спарк, 1999. – 560 с.

12. *Паше-Озерский, Н. Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву / Н. Н. Паше-Озерский. – М.: Госюриздат, 1962. – 181 с.

13. *Тишкевич, И. С.* Условия и пределы необходимой обороны / И. С. Тишкевич. – М.: Юрид. лит., 1969. – 189 с.

14. *Таганцев, Н. С.* Русское уголовное право: лекции: часть общая: в 2 т. – Н. С. Казанцев; сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – М.: Наука, 1994. – 380 с.

15. О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 31 мая 2022 г., № 11. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418018. – Дата доступа: 15.02.2023.

УДК 343.01

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Хилота Вадим Владимирович

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, пер. Доватора, 3/1, 230029, г. Гродно, Республика Беларусь, tajna@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются научно-теоретические аспекты понимания уголовного права в конфликтологическом дискурсе. Раскрываются основные тенденции и закономерности развития уголовного права, его социальные связи, механизм трансформации общественных отношений и изменение сути самого человека. Анализируется структура уголовно-правового регулирования и задачи, стоящие перед сегодняшним уголовным правом. Основной вывод автора состоит в том, что действующее уголовное право является инструментом разрешения социальных конфликтов, а также глобальным регулятором международного правопорядка. Уголовное

право также прямым образом оказывает влияние на социальные отношения и сознание общества.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовное право, конфликт, человек, безопасность.

CRIMINAL LAW IN THE SOCIAL DIMENSION

Vadim Khiliuta

Doctor of Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Yankee Kupaly Grodno State University, 3/1 Dovatora Lane, 230029, Grodno, Republic of Belarus, tajna@tut.by

Abstract. The article examines scientific and theoretical aspects of understanding criminal law in the conflictological discourse. The main trends and patterns of the development of criminal law, its social connections, the mechanism of transformation of social relations and the change in the essence of the person himself are considered. The structure of criminal law regulation and the challenges facing today's criminal law are analyzed. The main conclusion of the author is that the current criminal law is a tool for resolving social conflicts, as well as a global regulator of international law and order. Criminal law also has a direct impact on social relations and the consciousness of society.

Key words: crime, punishment, criminal law, conflict, man, security.

История человечества наполнена различными идеями и открытиями, и так получается, что эти идеи движут миром и заполняют умы многих людей. Так было всегда, и всегда какая-то мета-идея доминировала, была главной предтечей различных событий, будь то революции или мировые войны, сдвиги в экономике или общественно-политической жизни.

Стоило только человеку внушить, что определенная социальная реальность является нормой и правильным основанием общественно-го бытия и, казалось бы, еще вчера немислимые и запретные вещи становились данностью. При этом все это происходило не только с самим человеком, но и с теми ценностями, благами, стандартами, которые его окружали. Не избежало этой участи и право. Вообще XX век оказался в глубоком кризисе, кризисе, который ниспроверг человеческую сущность и гуманистическую натуру. Отказ от божественных начал и откровений в пользу гуманизма и справедливости, веры в научно-технический прогресс на самом деле не сделал мир чище и свободнее. Зло по-прежнему окружает многих людей, а принцип человеколюбия стал ненавистным, ибо равнодушие заполнило человеческие сердца. Плоды этого равнодушия мы пожинаем сегодня.

Все устремились к господству, тотальному доминированию, идея сверхчеловека нашла свое воплощение в умах и сердцах многих людей,

но эти же многие забыли о том, что стать таковым можно только лишь посредством подчинения себе подобных, по сути, сделав их рабами своих устремлений. Конечно, в прямом смысле мы сегодня такого не обнаружим, все имеет гораздо другие очертания и заретушировано демократическими принципами и идеей защиты прав человека, но суть этого процесса предельно ясна и вполне очевидна.

Глобальная трансформация общества и его социальных отношений рефреном отражается на человеке, его сущности и предназначении. Очевидно, что в пылу научно-технической революции и все новых достижений в науке и технике, сущностное предназначение человека коренным образом изменилось. Человек стал «заточен» на своих правах и свободах, их реализации, защите и гарантиях, что непременно имеет своей основой материальную составляющую. Личный успех в жизни теперь является показателем избранности и мерилом человеческого достоинства и основополагающей категорией общественного сознания. Успешность сегодняшнего человека соизмеряется только через один критерий: материальный достаток, приумноженный на то социальное положение и статус, которое занимает человек (своеобразное место в кастовой иерархии). Деньги, статус, карьера – вот бог нынешнего человечества. Получение благ и удовольствий, хорошее и веселое времяпровождение, это еще одна составляющая, которая лежит в основе современного мироздания и целеполагания человека.

Как видно, в настоящее время в условиях обострения социальных конфликтов и политических противоречий ослабевают фундаментальные ценности человеческой цивилизации, которые утрачивают способность обеспечивать устойчивое ее существование и развитие. И как отмечает Д. В. Мирошниченко, «в это время аксиологическая тематика становится для гуманитарной науки приоритетной» [1, с. 62]. Смена парадигм развития общества, ценностных установок и ориентиров, придание политической составляющей новой реальности, усложнение экономического, социального и правового дискурса выявляет сложные проблемы и метаморфозы, обусловленные сдвигами ценностных приоритетов общества и его сущностей. Не будем также забывать, что человек формируется, обретает своей нравственный облик в рамках тех ценностей, которые он переживает и посредством которых происходит формирование его нравственного облика, способности адекватной оценки событий происходящих в жизни многих людей.

Вот здесь и возникает вопрос: способно ли в этой связи право надлежащим образом регулировать новые общественные отношения? Ввиду их кажущейся изменчивости, а на самом деле непостоянства, право объективно не в состоянии это сделать. Более того, на

сегодняшний день оно формально не может зафиксировать то, что уже есть. А это таит в себе глобальный вызов для самого права: способно ли оно направить в правовое русло новые общественные отношения и спрогнозировать их развитие, позитивные и негативные процессы механизма их правового регулирования в целом. Ответ на данный вопрос не очевиден, потому как неясно, каковым же будет право в этой парадигме, какова роль уготована ему: обслуживанию интересов политических элит, господствующих классов или же борьба за справедливость, соблюдение верховенства права и человеческое достоинство?

Имеющиеся тенденции в развитии и функционировании права свидетельствуют о том, что оно стало непредсказуемым, более технологичным и прагматичным, в некотором роде стандартизированным, в результате чего:

- происходит слом основных институтов права, частное право перетекает в публичное и наоборот, методы правового регулирования становятся инерционными;
- внедрение цифровых технологий в общественную жизнь ставит вопрос об отказе от устоявшихся и известных конструкций, их модификации, но никто не знает конечной цели такого процесса, в результате чего становится непонятным, с чем мы вообще будем иметь дело;
- человек уходит в себя, в свой мир цифровой реальности, а это меняет весь контекст и требует признания иных ценностей, которые должны быть юридизированы и приобщены к существующей реальности.

Тем не менее, кризис глобализации, тотальная пандемия 2020–2021 гг. только обострили проблему самоидентификации личности и прав человека, а точнее выявили глубокий сдвиг данных институциональных формирований. Это отчетливо стало видно в 2022 г., когда мировой порядок потребовал реформирования. Очевидно, что в настоящее время происходит переосмысление ценностей и базовых конструкций построения общественных отношений, потому как во главу угла ставится не личность, а безопасность общества и государства в целом. Следовательно, и право со своим арсеналом мер и средств регулирования общественных отношений, а также борьбы с социально опасными проявлениями должно будет учитывать данные изменения. А они заключаются в том, что человечество смещает акценты с тотальной глобализации всех сфер общественной жизни на региональное развитие, защиту и безопасность государства в первую очередь. И право здесь должно отражать интересы своего социума и территории, принимая во внимание ментальные и субъективные предпочте-

ния конкретных государств и лиц, их населяющих. Отсюда неизбежны институциональные преобразования, суть которых будет заключаться не в обеспечении защиты интересов транснациональных корпораций и наднациональных организаций, подстраивании «везде и во всем», унификации права и его стандартизации, а в преломлении собственных интересов, их защиты и понимании того, что есть право в целом, и насколько оно способно глубоко вторгаться в сферу регулирования общественных отношений, какие меры воздействия в данном случае являются оптимальными и эффективными, каковы пределы механизма правового регулирования и сферы действия национального и международного законодательства.

Дело в том, что глобализм как четко сформулированный экономический проект не основан на культурологических и этических ценностях и представлении о построении общества «социального благоденствия». В данном случае за фасадом прав человека и развитием демократии скрываются совсем иные цели всеобщей унификации и отражения скрытых интересов определенных социальных групп и политических сил. В такой ситуации право является лишь придатком этой глобальной идеи и служит лишь средством обеспечения и реализации наднациональных проектов. Попросту право призвано зафиксировать существующее положение дел. Причем такая роль отведена абсолютно всем отраслям права (как публичным, так и частным), где право (или конкретная отрасль права) рассматривается сквозь призму своеобразного инструмента реализации практических возможностей тотального экономического, политического и социального правопорядка. Это не отвечает принципам национальных и суверенных государств. Очевидно, что в ближайшем будущем мы столкнемся с дилеммой переоценки принципов развития международного и национального права, и перестройки их классических основ в цифровую эру. В этом смысле глобальная инструментализация права только начинается. И она пойдет в духе безопасности национальных интересов государства и его граждан, где речь будет идти о деглобализации права и его инструментов. При сохранении истинно национальных духовно-нравственных ценностей важно не упустить шанс и в этой безудержной мировой гонке остаться государством с человеческим лицом, где подлинные моральные ценности лежат в основе фундамента построения государства и общества. Технологизация не может и не должна заменить собой нравственного облика человека [2, с. 46–47].

По жизни так получается, что любое новое поколение пытается свергнуть с пьедестала те идеи, которые были разработаны предыдущим поколением и функционируют в обществе как базовые, домини-

рующие и априори верные. Это отнюдь не есть процесс самоутверждения, однако представляет собой цикличное поступательное движение, т. к. любое новое поколение пытается доказать свою состоятельность, и что именно его представление о сущем есть должное. Это касается почти всех сфер жизни общества и без этого нельзя обойтись. Более того, это естественный жизненный (социальный) процесс. Прямым образом сказанное относится и к уголовному праву. И если на уровне законодательных тенденций происходящие трансформации не так еще очевидны, то на уровне доктрины уголовного права рассматриваемые тенденции просматриваются очевидно. Причем вопрос здесь не стоит в коренном слове устоев уголовного права, его центральных институтов и т. п., а заключается в придании нового импульса уголовно-правовому регулированию, верификации его предмета и метода, сферы действия и модификации самого понятия о том, что считать преступлением. А если рассматривать существующее положение дел в контексте того, что представляет собой наказание, то здесь предметная область уголовного права выходит на механизм уголовно-правового воздействия, суть которого состоит в превенции, а не в наказанности. Т. е. в таком ракурсе уголовное право превращается в механизм социальной защиты, средство обеспечения безопасности государства, общества, личности (причем последовательность уголовно-правовой охраны выглядит именно таким образом).

В самом общем представлении суть уголовного права сводится в этой парадигме к разрешению конфликта. Конфликта, который, с одной стороны, существует в обществе, а с другой стороны – между конкретными индивидами. Но на самом деле уголовное право не справляется с этой задачей, т. к. разрешая конфликт арсеналом имеющихся у него средств, оно порождает новый конфликт. Эта цепочка неизбежна. И в этом случае нельзя сказать о том, что уголовное право является универсальным средством в руках государства в деле разрешения конфликтных ситуаций. Просто на сегодняшний день иных таких средств нет.

Социально-политические процессы, происходящие в настоящее время в обществе и в мире в целом, ставят вопрос о трансформации самого уголовного права, необходимости его приспособления к новым институциональным формированиям и запросам общества. Однако уголовное право постоянно жило в эпоху перемен. Эти перемены происходили и происходят всегда, поскольку меняется сам человек, его сущность. И здесь принципиальным вопросом является то, насколько само уголовное право способно к рефлексии и необходимо ли ему это вообще.

Оставаясь одной из консервативных отраслей права, уголовное право постепенно начинает устаревать, не меняясь в своей природе, оно стремится разрешать новые конфликты старыми способами. И в этом своем качестве оно еще продолжает оставаться «последним доводом» государства в системе обеспечения социального правопорядка и разрешения всевозможных конфликтов. С этой точки зрения применяемое уголовно-правовое насилие – это элемент компромисса между обществом и государством. Но если одна сторона утрачивает паритет в данном вопросе, понятно, что это уже никакой не компромисс, а доминирование. Однако в такой плоскости атрибутивные формы воздействия государства на общество порождены потребностями в совместном сосуществовании государства и общества. Поэтому, как указывал А. Э. Жалинский, уголовное право «развивается под влиянием противоречивых интересов властных групп и общего давления населения, осознанно или неосознанно стремящегося к усилению безопасности путем усиления репрессии, а во многих ситуациях к психологическому удовлетворению различных стремлений (восстановление справедливости, реванш, месть, присоединение к сильной группе и проч.). Проблема в том, что должно оно развиваться все же на основе общих закономерностей, при обязательном учете сбалансированных интересов страны и обеспечения равного положения ее граждан» [3, с. 18].

Заметим в этой связи, что в современных условиях уголовное право выступает одним из жестких социальных инструментов, одним из эффективных ресурсов в руках государства. Однако уголовное право, каким бы оно ни было сегодня, нуждается в адаптации к тем процессам, которые происходят в настоящее время в обществе. При этом адаптироваться оно должно не только к новым формам и видам социально опасного поведения, но и к тем ожиданиям, которые на него возлагаются.

Позитивное регулирование общественных отношений не входит в предмет уголовного права, поэтому оно и не стоит на переднем крае тех социально значимых процессов, которые происходят в обществе. Это удел иных отраслей права. Но вопрос заключается в том, насколько быстро и оперативно, с учетом трансформации социальных отношений и механизмов их регулирования, уголовное право должно вырабатывать свой собственный стандарт криминализации деяний, которые являются социально опасными, деформируют сложившиеся общественные отношения и находятся за гранью допустимого.

Безусловно, это извечный вопрос о том, что представляет собой преступление и каковы его нормативные границы. Но сегодня оче-

видно и то, что уголовное право не может оставаться вне контекста социально-политических процессов, происходящих как внутри общества, так и за его пределами, вне процесса модификации социальной сущности человека. Конечно, здесь зачастую политическая целесообразность предопределяет вектор развития уголовного права. Но, с другой стороны, очевидно и то, что этот вектор нестабилен и крайне изменчив, зависит от множества факторов, которые находятся за пределами самого уголовного права. Гораздо важнее в этом вопросе является ответ, позволяющий определять границы уголовного права в контексте изменения социальной сущности самого человека. И в данной ситуации, представляется, выбор самого человека предопределяет контуры будущего уголовного права.

Тем не менее, в этом вопросе мы должны иметь в виду, что прогресс человечества не ведет к совершенствованию самого человека. Избыток техники и технологий, конечно, упростил жизнь человека, сделал его быт более комфортабельным и общедоступным, а сама жизнь стала насыщенной и многогранной. Однако все это, повторимся, не привело к изменению социальной сущности человека. Человек не стал лучше внутренне (и даже не стремится к этому), не вырос духовно, поэтому все те страсти человеческие (граничащие с маргинальным поведением), которые имели место ранее, никуда не исчезли, а наоборот, удвоились. Поэтому вопрос о том, что уголовное право постепенно будет уходить в небытие, ввиду искоренения преступности, наивен и даже не подлежит обсуждению. А если и подлежит, то в совсем ином формате, ибо очевидно, что научно-технический прогресс порождает новые социальные конфликты и противоречия, которые выливаются в последующем в преступления нового облика.

Представляется, по этой причине, что те процессы, которые имеют место быть в настоящее время в обществе не осознаны уголовным правом. И поэтому складывается такое ощущение, что уголовное право живет своей жизнью, а общество – своей. Отсюда для многих слоев населения становятся непонятными уголовно-правовые запреты и предписания, зачастую граничащие с анахронизмом, а, с другой стороны, видно и то, что уголовное право не может осознать социальные интересы и запросы общества. Обычно в этом случае говорят о кризисе уголовного права и в качестве его общих черт указывают на то, что: а) продолжается рост преступности, и уголовно-правовая репрессия не в силах изменить существующее положение дел; б) расширяется сфера действия уголовного права, однако только в одном направлении: формулирование новых уголовно-правовых запретов; в) уголовно-правовые решения принимаются, главным образом, по мотивам по-

литической целесообразности, в целях разрешения конъюнктурных задач.

Идея безопасности, которая сегодня становится доминирующей в уголовном праве, сужает рамки самого уголовного права. Такая парадигма не развивает уголовное право и заталкивает его в жесткие рамки обслуживания интересов господствующих властных элит. В этой системе ключевые принципы и идеи уголовного права (главным образом, основанные на положениях классической школы уголовного права) имеют второстепенное значение.

Но это также наводит на мысль о том, что зарождается новое уголовное право, как бы мы к нему лично ни относились. И это новое уголовное право ломает старые стереотипы, устоявшиеся догмы и правовые принципы. В основе такого нового уголовного права лежит *идея безопасности*, а в этом ключе на первое место выходит не деяние человека (физического лица, а в некоторых правовых семьях и юридического лица), а сам человек. Или, если угодно, деяние и сам деятель составляю основу того понятия, которое мы будем именовать преступлением.

В этом смысле мы вынуждены говорить об инструментализации уголовного права, когда оно стало восприниматься исключительно в качестве средства (причем даже не главного) решения определенных задач, стоящих перед властью.

Итак, действующее уголовное право, с одной стороны, является инструментом в деле разрешения не только всевозможных конфликтов, проводимой политики в экономике и социальной сфере, но и глобальным регулятором международного порядка. С другой стороны, уголовное право прямым образом оказывает влияние на социальные отношения и сознание общества. Т. е. уголовное право используется и как внутренний, и как внешний инструмент для реализации узкокорпоративных и конъюнктурных интересов определенных лиц и глобальных игроков [4].

Вместе с тем, сегодня трансформация самого уголовного права вкуче с технологизацией социальных отношений и информатизацией общественной жизни влечет неопределенность уголовно-правового регулирования, т. к. непонятны пределы допустимого влияния и сферы действия уголовного закона. Идея безопасности общества и государства может не иметь четких границ, и здесь всегда есть угроза выхода за пределы разумного и естественного. Все дело в том, что по мере развития новых технологий объективно сужается пространство человека и право все больше вторгается в частную жизнь, и такая частная жизнь человека становится недопустимо прозрачной. В данном случае важно найти разумный баланс между безопасностью

общества и государства, а равно отдельных лиц и личным пространством человека.

Список цитированных источников

1. *Мирошниченко, Д. В.* Аксиологический и формальный аспекты юридического познания (на примере уголовно-правовой науки) / Д. В. Мирошниченко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 3. – С. 61–66.
2. *Хилюта, В. В.* Глобальная инструментализация уголовного права как новая реальность / В. В. Хилюта // Юристы-Правоведъ. – 2020. – № 3. – С. 40–47.
3. *Жалинский, А. Э.* Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. – Т. 2: Уголовное право. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 591 с.
4. *Хилюта, В. В.* Уголовное право в эпоху перемен / В. В. Хилюта // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2022. – № 3. – С. 7–13.

УДК 343.3

О СОСТОЯНИИ И СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Хомич Владимир Михайлович

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин, учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет»,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь,
ul.khomich@tut.by*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с социально-правовым осмыслением кризисных явлений в международном уголовном праве. Указывается, что современный кризис права и правовых систем, изначально обозначаемый как правовой нигилизм, связан с размыванием антропологической системы правообразования, в основе которого лежат разумные культурологические начала общественного существования человека как базового носителя национального и международного права и правопорядка, способов и систем его защиты на национальном и международном уровнях. В своей основе уголовное право небезопасно не только для потенциального преступника, но и для человека, общества, самого государства и международного правопорядка, когда доминирующими факторами в формировании правопорядка и уголовной политики является не человек с его обычными и понятными притязаниями на внутреннюю и институциональную безопасность и свободу, а элитарные интересы безопасности глобальной олигархической власти – международных элит, господствующих и экономически, и политически.

Ключевые слова: международное уголовное право, криминологическая составляющая международной безопасности, верховенство международно-